

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВПО «АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ISSN 2307-2539

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

№2 (12) • 2015

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2015

Главный редактор:

А.А. Тишкин, д-р ист. наук, профессор

Журнал основан в 2005 г.

Выходит 2 раза в год

Редакционная коллегия:

В.В. Горбунов (зам. главного редактора),
д-р ист. наук, доцент;
С.П. Грушин, д-р ист. наук, доцент;
Н.Н. Крадин, д-р ист. наук, чл.-кор. РАН;
А.И. Кривошапкин, д-р ист. наук;
А.Л. Кунгуров, канд. ист. наук, доцент;
Д.В. Папин, канд. ист. наук (отв. секретарь);
Н.Н. Серегин (отв. секретарь), канд. ист. наук;
С.С. Тур, канд. ист. наук;
А.В. Харинский, д-р ист. наук, профессор;
Ю.С. Худяков, д-р ист. наук, профессор

Редакционный совет журнала:

Ю.Ф. Кирюшин (председатель), д-р ист. наук,
профессор (Россия);
Д.Д. Андерсон, Ph.D., профессор
(Великобритания);
А. Бейсенов, канд. ист. наук (Казахстан);
У. Бросседер, Ph.D. (Германия);
А.П. Деревянко, д-р ист. наук, профессор,
академик РАН (Россия);
Е.Г. Дэвлет, д-р ист. наук (Россия);
Иштван Фодор, доктор археологии,
профессор (Венгрия);
И.В. Ковтун, д-р ист. наук (Россия);
Л.С. Марсадолов, д-р культурологии (Россия);
Д.Г. Савинов, д-р ист. наук, профессор (Россия);
А.Г. Ситдииков, д-р ист. наук (Россия);
Такахама Шу, профессор (Япония);
Чжан Лянжэнь, Ph.D., профессор (Китай);
Т.А. Чикишева, д-р ист. наук (Россия);
М.В. Шуньков, д-р ист. наук (Россия);
Д. Эрдэнэбаатар, канд. ист. наук, профессор
(Монголия)

Адрес: 656049, Барнаул, пр-т Ленина, 61,
каб. 211, телефон: (3852) 291-256.
E-mail: tishkin210@mail.ru

Утвержден к печати объединенным
научно-техническим советом АГУ

© Алтайский государственный
университет, 2015

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION
Altai State University

ISSN 2307-2539

**THEORY AND PRACTICE
OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH**

№2 (12) • 2015

Barnaul

Altai State
University Press
2015

Editor in Chief:

A.A. Tishkin, Doctor of History, Professor

The journal was founded in 2005

The journal is published
twice a year

Editorial Staff:

V.V. Gorbunov (Deputy Editor in Chief), Doctor of History, Associate Professor;

S.P. Grushin, Doctor of History, Associate Professor;

N.N. Kradin, Doctor of History, Corresponding Member, Russian Academy of Sciences;

A.I. Krivoschapkin, Doctor of History;

A.L. Kungurov, Candidate of History, Associate Professor;

D.V. Papin (Assistant Editor), Candidate of History;

N.N. Seregin (Assistant Editor), Candidate of History;

S.S. Tur, Candidate of History;

A.V. Kharinsky, Doctor of History, Professor;

J.S. Khudyakov, Doctor of History, Professor

Associate Editors:

J.F. Kiryushin (Chairperson), Dr. Sci. (Hist), Prof. (Russia);

D.D. Anderson, Ph.D, Prof. (Great Britain);

A. Beisenov, Candid. Sci. (Hist.) (Kazakhstan);

U. Brosseder, Ph.D. (Germany);

A.P. Derevianko, Dr. Sci. (Hist.) Academician, Russian Academy of Science (Russia);

E.G. Devlet, Dr. Sci. (Hist.) (Russia);

Ishtvan Fodor, Dr. Sci. (Archaeology), Prof. (Hungary);

I.V. Kovtun, Dr. Sci. (Hist.) (Russia);

L.S. Marsadolov, Dr. Sci. (Culturology) (Russia);

D.G. Savinov, Dr. Sci. (Hist.) (Russia);

A.G. Sitdikov, Dr. Sci. (Hist.) (Russia);

Takhama Shu, Prof. (Japan);

Chjan Lyanjen, Ph. D, Prof. (China);

T.A. Chikisheva, Dr. Sci. (Hist.) (Russia);

M.V. Shunkov, Dr. Sci. (Hist.) (Russia);

D. Erdenebaatar, Cand. Sci (Hist), Prof. (Mongolia)

Approved for publication by
the Joint Scientific and Technical
Council of Altai State University

Address: office 211, Lenin av., Barnaul, 656049,
Russia, tel.: (3852) 291-256.

E-mail: tishkin210@mail.ru

© Altai State University, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ КАМНЯ В ЕВРАЗИИ

<i>Деревянко А.П., Кривошапкин А.И., Павленок К.К., Павленок Г.Д., Шнайдер С.В., Зенин В.Н., Шалагина А.В.</i> Поздние среднепалеолитические индустрии Горного Алтая: новый этап изучения пещеры Страшной	7
<i>Деревянко А.П., Маркин С.В., Кулик Н.А., Колобова К.А., Рыбин Е.П.</i> Эксплуатация каменного сырья в комплексах Чагырской пещеры (Горный Алтай) ...	18
<i>Деревянко А.П., Шуньков М.В., Козликин М.Б.</i> Каменная индустрия из нижней части слоя 11 в восточной галерее Денисовой пещеры	29

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

<i>Грушин С.П.</i> Итоги и перспективы исследования поселения Колыванское-I в Рудном Алтае	40
<i>Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю.</i> Проблемы культурной принадлежности ранних погребений грунтового могильника Тузовские Бугры-I (одна из версий историко-культурной интерпретации)	52

ЗАРУБЕЖНАЯ АРХЕОЛОГИЯ

<i>Тишкин А.А., Горбунов В.В., Серегин Н.Н., Мухарева А.Н., Идэрхангай Т.-О., Мунхбаяр Ч.</i> Результаты археологических исследований в Западной и Центральной Монголии в 2014 г.	69
--	----

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ МЕТОДОВ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

<i>Бородовский А.П., Олещак Л.</i> 3D-моделирование каменного погребального ящика эпохи раннего железа Горного Алтая	93
<i>Молодин В.И., Мильникова Л.Н., Мильников В.П., Кобелева Л.С., Нестерова М.С., Ненахов Д.А., Селин Д.В.</i> Междисциплинарные исследования археологических комплексов эпохи бронзы – раннего железного века Обь-Иртышского междуречья и сопредельных территорий	99
<i>Папин Д.В., Ломан В.Г., Степанова Н.Ф., Федорук А.С.</i> Результаты технико-технологического анализа керамического комплекса поселения эпохи поздней бронзы Рублево-VI	115
<i>Чикишева Т.А., Поздняков Д.В., Зубова А.В.</i> Краниологические особенности палеопопуляции неолитического могильника Венгерovo-2а в Барабинской лесостепи	144

ИЗ МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ

<i>Тишкин А.А.</i> Металлический трехдырчатый псалий из предгорий Алтая (по материалам Белокурихинского городского музея им. С.И. Гуляева)	163
<i>Тишкин А.А., Фролов Я.В.</i> Металлические орудия труда эпохи бронзы из археологического собрания МКУК «Районный историко-краеведческий музей им. В.М. Комарова» (с. Волчиха, Алтайский край)	171
<i>Список сокращений</i>	181
<i>Сведения об авторах</i>	182
<i>Правила оформления статей</i>	187

CONTENTS

THE STUDY OF THE MONUMENTS OF THE STONE AGE IN EURASIA

<i>Derevyanko A.P., Krivoschapkin A.I., Pavlenok K.K., Pavlenok G.D., Shnaider S.V., Zenin V.N., Shalagina A.V.</i> Late Middle Paleolithic Industries of the Altai Mountains: New Stage of the Strashnaya Cave Study	7
<i>Derevyanko A.P., Markin S.V., Kulik N.A., Kolobova K.A., Rybin E.P.</i> Exploitation of Raw Material in Chagyrskaya Cave Complexes (Altai Mountains)	18
<i>Derevyanko A.P., Shunkov M.V., Kozlikin M.B.</i> The Stone Industry from the Lower Part of Layer 11 in the Eastern Gallery of the Denisov Cave	29

RESULTS OF STUDYING OF MATERIALS OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH

<i>Grushin S.P.</i> Results and Prospects of the Study of Kolyvanskoe-I Settlement in Altai Mining District	40
<i>Kiryushin Yu.F., Kiryushin K.Yu.</i> The Problems of Cultural Belonging of the Early Burials of the Tuzovsky Mounds-I Soil Burial Ground (One of the Versions of Historical and Cultural Interpretation)	52

FOREIGN ARCHAEOLOGY

<i>Tishkin A.A., Gorbunov V.V., Seregin N.N., Mukhareva A.N., Iderkhangay T.-O., Munkhbayar Ch.</i> The Results of Archaeological Research in Western and Central Mongolia in 2014	69
--	----

USE OF NATURAL-SCIENTIFIC METHODS IN ARCHAEOLOGICAL RESEARCH

<i>Borodovskiy A.P., Oleschak L.</i> 3D-Modelling of the Burial Mound with the Stone Box of the Early Iron Age in the Altai Mountains	93
<i>Molodin V.I., Mylnikova L.N., Mylnikov V.P., Kobeleva L.S., Nesterova M.S., Nenachov D.A., Selin D.V.</i> Interdisciplinary Study of Archaeological Sites of the Bronze Age – Early Iron Age of the Ob-Irtysh Interfluvium and Cross-Border Regions ...	99
<i>Papin D.V., Loman V.G., Stepanova N.F., Fedoruk A.S.</i> Results of Technical and Technological Analysis of the Ceramic Complex of the Late Bronze Settlement Rublevo-VI	115
<i>Chikisheva T.A., Pozdnjakov D.V., Zubova A.V.</i> Craniological Characteristics of the Paleopopulation of the Neolithic Burial Site Vengerovo-2a in the Barabinskaya Forest Steppe	144

FROM MUSEUM COLLECTIONS

<i>Tishkin A.A.</i> Metal Three-Perforated Cheek-Piece from Altai Foothills (on the Materials of Gulyaev City Museum in Belokurikha)	163
<i>Tishkin A.A., Frolov Y.V.</i> Metal Tools of the Bronze Age from Archaeological Collection of Komarov Museum of local History (Village of Volchiha, Altai Krai)	171
<i>Abbreviations</i>	181
<i>Authors</i>	182
<i>Article submission guidelines</i>	187

**ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ
РАННИХ ПОГРЕБЕНИЙ ГРУНТОВОГО
МОГИЛЬНИКА ТУЗОВСКИЕ БУГРЫ-I
(одна из версий историко-культурной интерпретации)***

Вопросы хронологии, периодизации и культурной принадлежности ранних могильников Барнаульско-Бийского Приобья и северных предгорий Алтая начиная со 2-й половины 80-х гг. XX в. стали предметом продолжительной дискуссии. Основные споры вызывает отнесение памятников в целом и отдельных погребений либо к неолиту, либо к энеолиту, либо к кузнецко-алтайской, либо к большемысской культуре.

Данная работа является авторской версией историко-культурной интерпретации некоторых аспектов топографии грунтового могильника Тузовские Бугры-I, а также некоторых археологических находок с территории памятника. Анализ предметного комплекса, находок из межмогильного пространства, планиграфии и стратиграфии грунтового могильника Тузовские Бугры-I позволяет сделать вывод о том, что на одном сакральном пространстве локализованы различные по времени и по культурной принадлежности погребения. Это связано с тем, что территория Верхнего Приобья на протяжении неолита и энеолита входила в зону контактов различных культурных образований.

Ключевые слова: энеолит, грунтовой могильник, планиграфия, межмогильное пространство, культурная принадлежность.

DOI: 10.14258/tpai(2015)2(12).-05

Вопрос о хронологии, периодизации и культурной принадлежности ранних могильников Барнаульско-Бийского Приобья (Фирсово-XI, Усть-Иша, Большой Мыс (Иткуль), Костенкова Избушка, Новоалтайск-Развилка, Чудацкая гора, Усть-Алейка, погребение №267 могильника Фирсово-XIV) и северных предгорий Алтая (Солонцы-5, НТП-1, Каминная пещера) вызывает дискуссии, которые возобновляются по мере появления новых материалов или результатов радиоуглеродного датирования [Кирюшин, Кунгуров, Степанова, 1995; Молодин, 1999; Кирюшин, Кунгурова, Кадиков, 2000; Маркин, 2000; Кунгурова, 2005; Кирюшин, Волков, Пугачев, Семибратов, 2006; Марочкин, 2009; Кирюшин, Шамшин, Шмидт, 2013; Марочкин, 2014]. Сложившаяся ситуация связана с целым комплексом причин, которые имеют как объективный характер (слабая изученность огромных территорий и, как следствие, недостаточное количество фактического материала; небольшое количество радиоуглеродных дат и т.д.), так и субъективный (различные подходы к определениям терминов «неолит», «энеолит», «ранний металл», «археологическая культура» и т.д.). Можно согласиться с исследователями в том, что для древнейших захоронений Верхнего Приобья характерны традиционность и консервативность, и это приводит к идентичности погребений неолита и энеолита [Марочкин, 2014, с. 8].

Использование традиционных методов археологических исследований (сравнительно-типологического, датированных аналогий и т.д.) оказывается малоэффективным для определения хронологии и периодизации ранних погребальных комплексов Барнаульско-Бийского Приобья и северных предгорий Алтая. Многие

---

* Работа выполнена в рамках гранта Правительства РФ (Постановление №220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

каменные изделия распространены на огромной территории Евразии на протяжении длительного времени. В качестве примера можно привести «утюжки», которые, согласно исследованиям И.В. Усачевой [2013, с. 58], фиксируются в материалах не менее 60 археологических культур от мезолита до эпохи бронзы (X – 1-я треть II тыс. до н.э.), на трех континентах от северо-восточного и южного побережья Африки и от Молдавии до Монголии. Поэтому неслучайно вопросы хронологии ранних могильников Барнаульско-Бийского Приобья и северных предгорий Алтая постепенно решаются в результате применения методов естественных наук. Полученные в последние 10–15 лет радиоуглеродные даты для ряда памятников, несмотря на то, что не решили всех проблем и даже вызвали новые, стали существенным прорывом в решении вопросов абсолютной хронологии ранних погребальных комплексов Барнаульско-Бийского Приобья и северных предгорий Алтая [Кирюшин и др., 1995; Маркин, 2000; Кунгурова, 2005; Кирюшин и др., 2006].

Если проблемы хронологии постепенно решаются, то вопросы культурной принадлежности этих памятников, к сожалению, далеки от разрешения. Это связано с тем, что в ранних погребениях отсутствует такой важный этнокультурный индикатор, как керамика. Сопроводительный инвентарь из органических и неорганических материалов, так же как и комплекс признаков погребальной обрядности, позволяет уверенно выделить «атипичные погребения с признаками экстраординарной погребальной практики» (могильник Усть-Алейка, погребение в Нижнетыткескенской пещере) [Марочкин, 2014, с. 30] и «погребения с кипринско-ирбинско-новокусковской керамикой» [Марочкин, 2014, с. 21]. На примере могильника Усть-Иша можно предполагать, что выделение некоторых групп в составе ранних бескерамических погребений Барнаульско-Бийского Приобья и северных предгорий Алтая может быть связано с половозрастным разделением труда [Кирюшин и др., 2000, с. 22] или быть следствием генетического различия брачных групп населения при патрилокальном характере брачных отношений (могильник Большой Мыс [Кирюшин и др., 2000, с. 42]). Можно констатировать, что попытки выделения некоторыми авторами различных групп и подгрупп в составе ранних бескерамических погребений остаются предметом дискуссии [Марочкин, 2014, с. 18–23].

Как отмечают исследователи [Марочкин, 2009, с. 121], дискуссия о культурной принадлежности ранних погребений Алтайского региона связана с выделением Ю.Ф. Кирюшиным в 1986 г. по материалам поселений Барнаульско-Бийского Приобья большемысской энеолитической культуры, с чем согласилось большинство исследователей. Включение Ю.Ф. Кирюшиным в состав этой культуры могильника Большой Мыс, который до этого исследователи относили к алтайско-кузнецкой неолитической культуре, вызвало оживленные дискуссии, которые продолжаются до сих пор.

Со временем территориальные рамки большемысской культуры расширились за счет открытия и исследования поселений в Кемеровской области [Бобров, 1999] и на Средней Катуни [Кирюшин, 2002, с. 31, рис. 60; Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., 2008, с. 56–63, рис. 82–100]. Кроме поселений, увеличивалось количество могильников, которые, по мнению части исследователей, относились к большемысской культуре.

В начале XXI в. в историографии вопроса о культурной принадлежности ранних погребальных комплексов Барнаульско-Бийского Приобья и северных предгорий Алтая сформировались два различных подхода, связывающих эти могильники либо

с «алтайско-кузнецкой неолитической культурой», либо с «большемысской энеолитической». Стоит отметить, что методы археологических исследований в начале XXI в. практически не претерпели изменений по сравнению с предшествующим периодом (единственное нововведение – получение серии радиоуглеродных дат).

Стоит признать, что имеющийся в нашем распоряжении набор источников, методов и признаков довольно ограниченный. Авторами было предложено добавить к списку признаков, характерных для погребальных памятников большемысской культуры, такие, как нахождение в межмогильном пространстве фрагментов керамики [Кирюшин и др., 2006, с. 223] и трасологически выявленные следы обработки металлическими орудиями на артефактах из погребений [Кирюшин и др., 2006, с. 22–24]. Особую критику у коллег вызвало включение в список признаков нахождения в межмогильном пространстве фрагментов большемысской керамики [Марочкин, 2009, с. 124]. Можно согласиться с критикой оппонентов, что данное положение является дискуссионным, но, по нашему мнению, оно не просто имеет право на существование, но в некоторых случаях может иметь существенное значение в решении проблем культурной принадлежности того или иного памятника. Поэтому данная работа рассматривается нами как одна из версий историко-культурной интерпретации некоторых аспектов топографии могильника, а также некоторых археологических находок с территории памятника.

Грунтовый могильник Тузовские Бугры-I (далее – ТБ-I) расположен в 30 км к югу от г. Барнаула (рис. 1). Памятник находится на правобережье Оби, на протоке Заломная, в 8,5 км к югу – юго-западу от с. Рассказиха и в 5,5 км к северо-западу от с. Малая

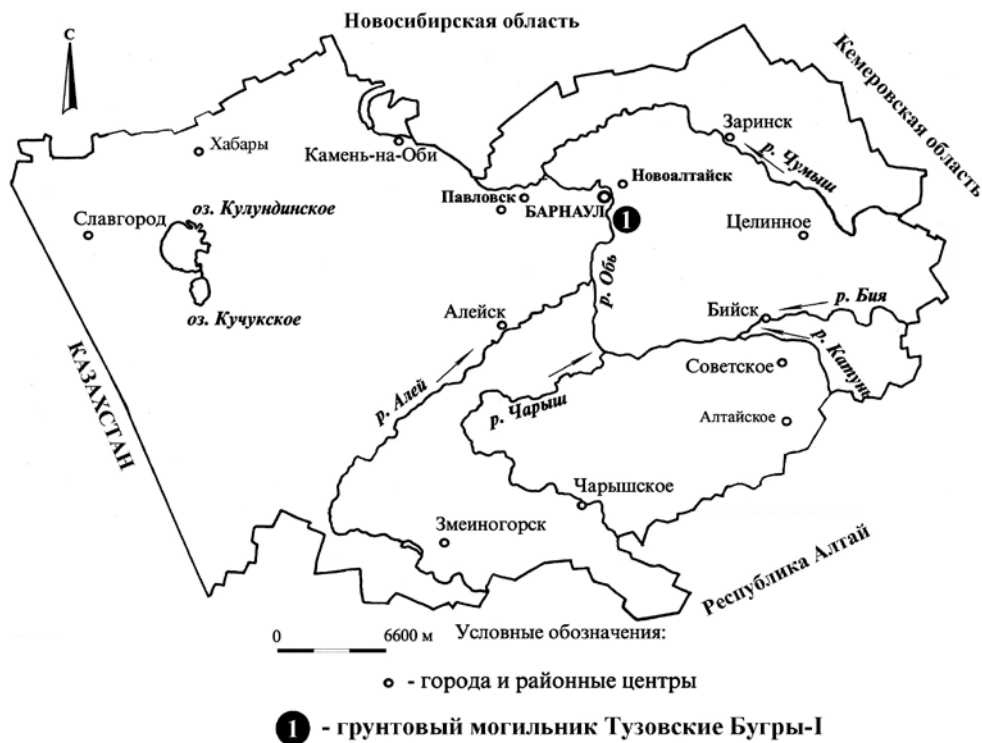

Рис. 1. Карта-схема расположения памятника Тузовские Бугры-I

Речка. Обское правобережье в данном месте представляет собой широкую (до 12 км) заболоченную пойму с множеством стариц и старичных озер, которые перемежаются с гривами и буграми-останцами коренного берега. Высота таких останцов достигает 4 м от пойменного уровня. Окружающая растительность – луговая, с зарослями кустарниковых, ив, осин и берез. Коренной берег, расположенный в 4 км к западу от памятника, покрыт сосновым лесом.

«Тузовские Бугры» – местное название извилистой гряды, состоящей из двух крупных и нескольких мелких останцов и ориентированной по линии Ю–С. Ее протяженность составляет порядка 1200 м, ширина в некоторых местах достигает 200 м, высота в наивысших точках – более 4 м. Могильник ТБ-I расположен в южной части гряды, на самом крупном останце, со всех сторон окруженном болотинами и озерами руслового происхождения. При паводках вода в Оби поднимается на 1,5–3,0 м, почти полностью затапливая пойму и подтапливая останец, на котором находится могильник, превращая его в остров. Вода спадает только к августу.

В расположении могильника ТБ-I прослеживаются общие закономерности с памятником Сопка-2 [Молодин, 2001]. В.И. Молодин [2001, с. 7] отмечал, что в погребальной обрядности древних местоположение кладбища играло особую роль, и «...особое место в этих представлениях отводилось так называемым “островам мертвых”». Подобные случаи известны на обширной территории Северной Евразии: Оленостровской могильник на Онежском озере [Гурина, 1956], Китойский на Ангаре [Окладников, 1974], Крутиха-5 на Оби [Молодин, 1977]. В.И. Молодин высказал предположение, с которым согласились и другие исследователи, что окончание мыса на оз. Большой Иткуль, на котором находится могильник Большой Мыс, в древности могло быть островом [Молодин, 1999, с. 37; Кирюшин и др., 2000, с. 31]. Стоит отметить, что в XXI в. ТБ-I – единственный ранний могильник Барнаульско-Бийского Приобья, территория которого периодически превращается в остров.

Памятник был открыт Д.А. Пугачевым, который в 1995–1996 гг. проводил разведочные работы в районе протоки Заломная. Им зафиксированы поселения Малая Речка-1–8 [Пугачев, 1997], Васино-3–7 и могильник эпохи неолита [Пугачев, 1996], который получил название «поселение Васино-5». В 1998 г. А.В. Шмидт в 40 м от раскопа Д.А. Пугачева заложил разведочный шурф, в котором было исследовано погребение раннего железного века [Шмидт, 1999; Шмидт, Служак, 1999]. Кроме этого, на памятнике зафиксировано два поселенческих слоя: раннего железного века и неолита [Шмидт, 1999, с. 130]. А.В. Шмидт дал название памятнику – грунтовый могильник Тузовские Бугры-I.

В сентябре 2000 г. археологами Алтайского государственного университета под руководством М.Т. Абдулганеева были продолжены исследования памятника, который у Д.А. Пугачева получил название поселение Васино-5, а у А.В. Шмидта – Тузовские Бугры-I. Сложившаяся двойственная ситуация зафиксирована и в отчете М.Т. Абдулганеева. Материалы погребений даны как могильник Тузовские Бугры-I, а находки из межмогильного пространства и даже из заполнения могил – как поселение Васино-5 [Абдулганеев, 2001, с. 146–148].

В 2000 г. на памятнике ТБ-I вскрыты 174 кв. м и исследованы 37 погребений (рис. 2). Из них 19 относятся к эпохе энеолита – ранней бронзы, остальные – к раннему железному веку. Часть погребений раннего комплекса нарушена в результате функционирования более позднего могильника. Ранние погребения располагались четырьмя рядами, ориен-

тированными по линии ЮВ–СЗ, по пять-шесть в каждом. Большинство захоронений одиночные, три парных и два коллективных – по три и пять погребенных. Большинство усопших были уложены в вытянутом положении на спину, с руками вдоль туловища, головой на северо-восток. Сопроводительный инвентарь представлен преимущественно различными украшениями из раковин моллюсков и зубов животных, а также изделиями из камня (рыболовные стерженьки, наконечники стрел, «утюжки», отщепы, «когтевидное» долото, скребки и др.) и кости (гарпуны, срединные и одна концевая накладки на

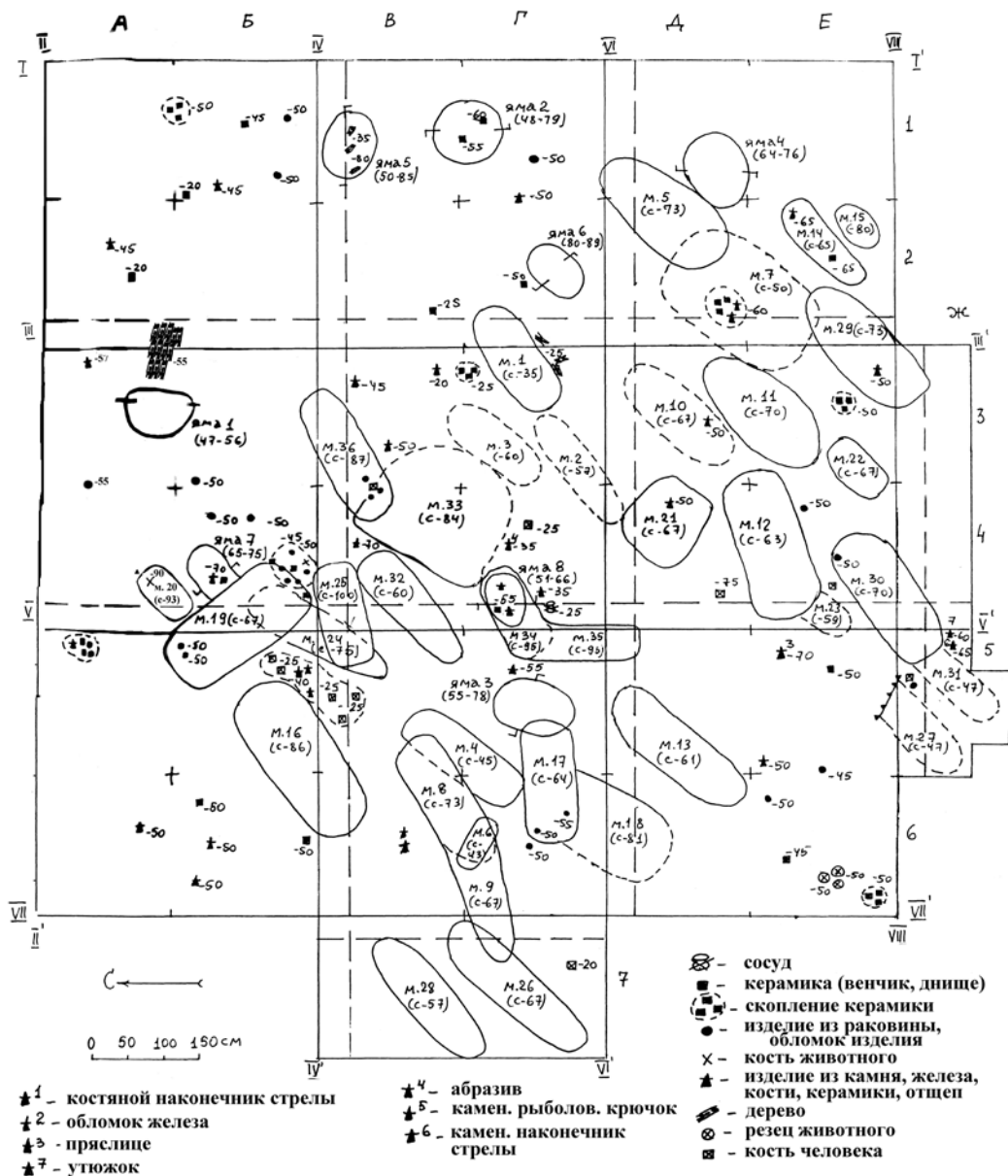

Рис. 2. План грунтового могильника Тузовские Бугры-I

лук, биконические наконечники стрел и др.). На общем фоне выделялась могила №34, в которой обнаружены металлические височные кольца и сосуд баночной формы, еще один обнаружен рядом с погребением [Абдулганеев, Кирюшин, 2002, с. 4].

Как отмечал М.Т. Абдулганеев, «...культурные остатки различных эпох (поселение Васино-5) залегали под дерном на различных глубинах в слоях темно-серой и светло-серой супеси иногда вплоть до уровня материка, находившегося в раскопе на глубине 0,35–0,7 м. Основной уровень их нахождения находился на глубине 0,2–0,55 м (конец 1-го штыка – 3-й штык) независимо от хронологии находок» [Абдулганеев, 2001]. Автор раскопок также подчеркивал, что «...часть находок из культурного слоя

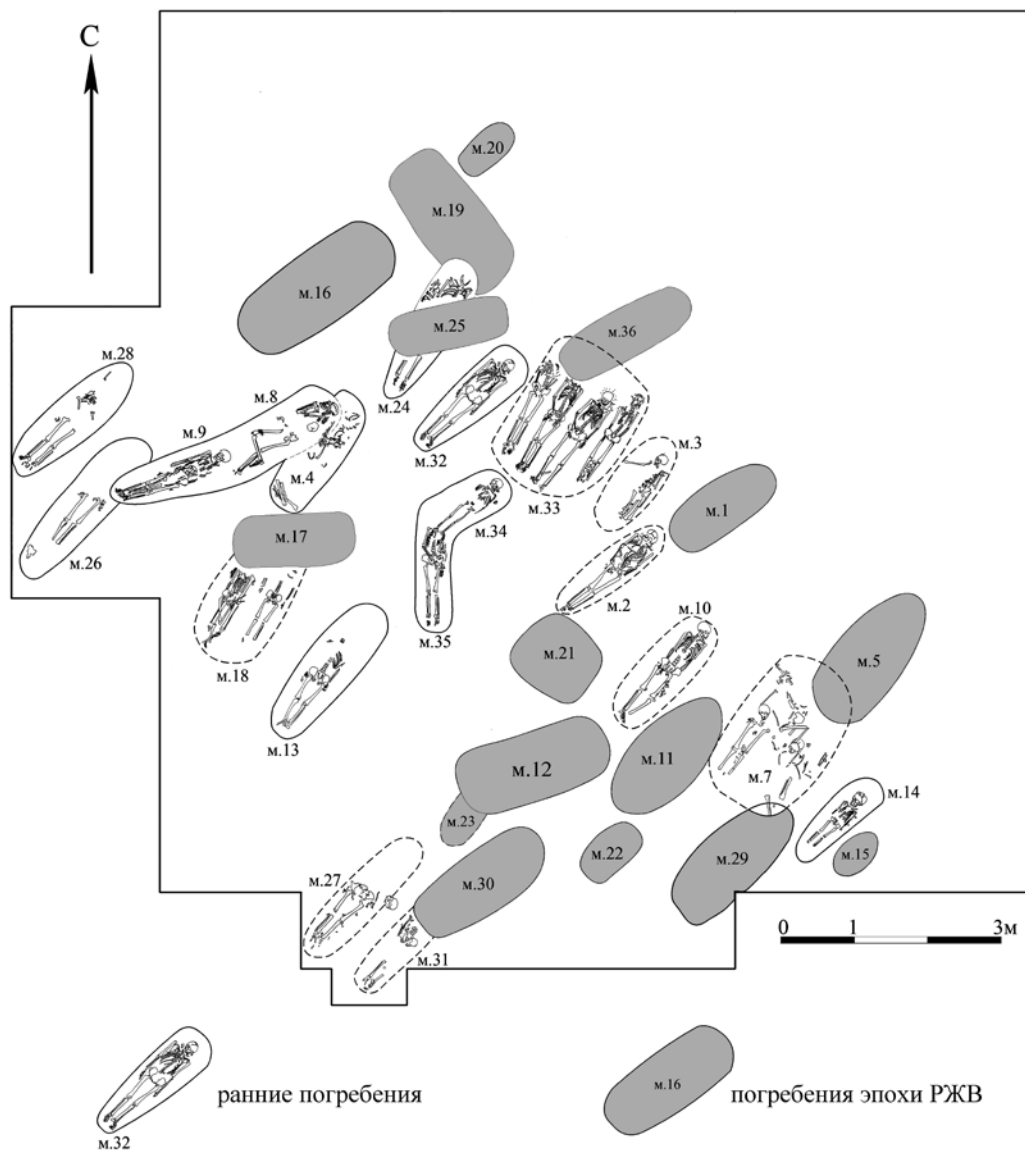

Рис. 3. Схематический план грунтового могильника Тузовские Бугры-I

происходит из ограбленных могил» [Абдулганеев, 2001, с. 8] и «...в некоторых случаях их происхождение возможно определить и идентифицировать с ограбленными погребениями» [Абдулганеев, 2001, с. 8]. Это относится к изделиям из раковин, резцам животных, костям человека, костяным наконечникам стрел, фрагментам сосудов и т.д. [Абдулганеев, 2001, с. 8]. Сложилась странная ситуация, когда часть находок из межмогильного пространства отнесена к погребальным комплексам, а часть – к поселенческому. Непонятны критерии, на основании которых происходит подобное разделение археологического материала. Мы считаем, что более правильно было бы говорить не о поселенческом слое, а о находках из межмогильного пространства.

Извилистая гряда Тузовские Бугры, состоящая из двух крупных и нескольких мелких останцов, – не самое удачное место для поселения. Останцы имеют довольно крутые покатые края, и на них нет ровных площадок, удобных для строительства жилищ. В начале XXI в. останец с трех сторон ограничен болотами с грязной застоявшейся водой, и не похоже, чтобы где-то были родники с чистой. На расстоянии 0,5–0,6 км около протоки Заломная имеется большой выбор удобных мест рядом с чистой проточной водой.

В 2014 г. археологические исследования на могильнике ТБ-I были продолжены. Началу работ предшествовало проведение исследования методом электромагнитного частотного зондирования. Исследование выполнялось на площадке размером 40 x 40 м в узлах равномерной сетки с шагом 1 x 1 м. Полученные результаты показали, что информативные возможности памятника не исчерпаны после раскопок М.Т. Абдулганеева в 2000 г. и обладают высоким научно-исследовательским потенциалом. В пределах полигона выявлены группы аномалий, которые могут быть связаны с погребениями. Объектов, которые могут быть связаны с котлованами жилищ, обнаружить не удалось.

Небольшое финансирование, плохая погода не позволили вскрыть большую площадь. Исследованы только две могилы раннего железного века [Кирюшин, Фролов, 2014, с. 44–46] и два ранних погребения. В процессе раскопок в межмогильном пространстве найдены кости человека (в том числе череп), керамика, каменные отщепы, небольшие ямы с костями и чешуей рыб. Размеры обнаруженных ям не позволяют считать их хранилищами рыбы как продукта питания.

Новосибирскими коллегами на археологическом комплексе Преображенка-6 в Чановском районе Новосибирской области исследован погребально-поминальный комплекс одиновской культуры [Молодин и др., 2012, с. 26]. Как отмечают исследователи, особенностью одиновского могильника Преображенка-6 является сосредоточение сопроводительного материала преимущественно в ямах, расположенных в одном ряду с погребениями либо в непосредственной близости от них вне ряда [Молодин и др., 2012, с. 26–27]. Ямы с чешуей и костями рыб на данном могильнике, по мнению ученых, являются ритуальными сооружениями [Молодин и др., 2012, с. 35]. Мы считаем, что в организации сакрального пространства грунтового могильника ТБ-I и археологического комплекса Преображенка-6 прослеживаются черты сходства.

Керамика, обнаруженная в заполнении могил и в межмогильном пространстве, многочисленная и разнообразная. В данной работе мы рассматриваем только этот комплекс, который может относиться к ранней группе погребений.

Как мы уже отмечали, в могиле №34 обнаружены металлические височные кольца, фрагмент гарпуна, костяная накладка и плоскодонный сосуд баночной формы, украшенный в верхней части резными линиями, рядом ямок и ногтевидными насеч-

ками (рис. 4.-1), еще рядом с погребением обнаружен плоскодонный сосуд баночной формы, орнаментированный ногтевидными насечками по всей поверхности тулова и рядом ямок по венчику (рис. 4.-2) [Абдулганеев, Кирюшин, 2002, с. 4]. Это погребение отнесено к периоду ранней досейминской бронзы, и высказано предположение о его принадлежности к крохалевской культуре [Абдулганеев, Кирюшин, 2002, с. 4], которое было поддержано другими исследователями [Молодин, Дураков, 2013, с. 100].

Еще три венчика от двух сосудов обнаружены в заполнении могилы №4, которая зафиксирована в западной части раскопа. Северо-западный край могилы нарушен прослеженной ниже могилкой №8. Форма могилы – подпрямоугольная, размеры – 0,68 x 1,8 м (длинная ось ЮЗ–СВ). В заполнении могилы (светло-серой супеси) найдены лежавшие в беспорядке кости человека. В северо-восточной половине могилы на глубине 0,45–0,55 м обнаружены череп, нижняя челюсть, ребра, позвонки, кости рук. В юго-западной части, ближе к западному углу, на глубине 0,6 м – кости ног. Среди костей человека найдены мелкие фрагменты керамики раннего облика (рис. 5.-1, 2).

Среди находок – два фрагмента от миниатюрного сосуда, диаметр венчика которого – 6,5 см, высота сохранившейся части – 3,5 см, толщина стенок – 0,3–0,35 см (рис. 5.-1). Судя по сохранившейся части, это сосуд баночной формы, прямые стенки которого слегка сужаются к венчику. Сосуд орнаментирован тремя рядами прорисованных линий по венчику и тулову, образующих ряды елочки, и рядом ямок по венчику (рис. 5.-1). Еще один фрагмент сильно профилированного венчика орнаментирован каплевидными вдавлениями в виде рядов «елочки» и рядом ямок на внешней поверхности (рис. 5.-2). По внутренней поверхности венчика имеются вдавления, выполненные, по-видимому, уголко палочки.

Эти находки позволяют нам предположить, что могила №4 так же, как и могила №34, может датироваться периодом ранней досейминской бронзы и относиться к крохалевской культуре.

К эпохе досейминской бронзы относится еще ряд фрагментов керамики, найденных в межмогильном пространстве памятника: это фрагмент венчика сосуда, найденный между могилами №16 и 24–25,

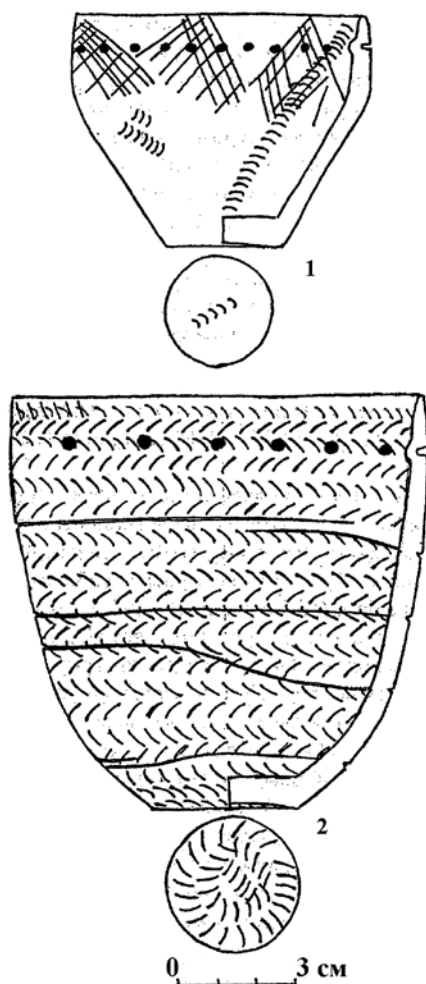

Рис. 4. Грунтовый могильник Тузовские Бугры-I: 1 – могила №34; 2 – межмогильное пространство (1–2 керамика)

орнаментированный ногтевидными насечками, образующими ряды елочки, и рядом ямок вытянутой линзовидной формы (рис. 5.-3). Ряд ногтевидных насечек проходит по внутренней поверхности этого венчика (рис. 5.-3). Ногтевидными насечками, образующими ряды «елочки», и рядами ямок каплевидной формы украшен крупный фрагмент стенки сосуда из южной части раскопа (рис. 5.-4). Мелкие фрагменты аналогичных сосудов (рис. 5.-6) встречены в центральной и южной частях раскопа. Скорее всего, к этому же времени относятся фрагменты керамики, украшенные рядами ямок

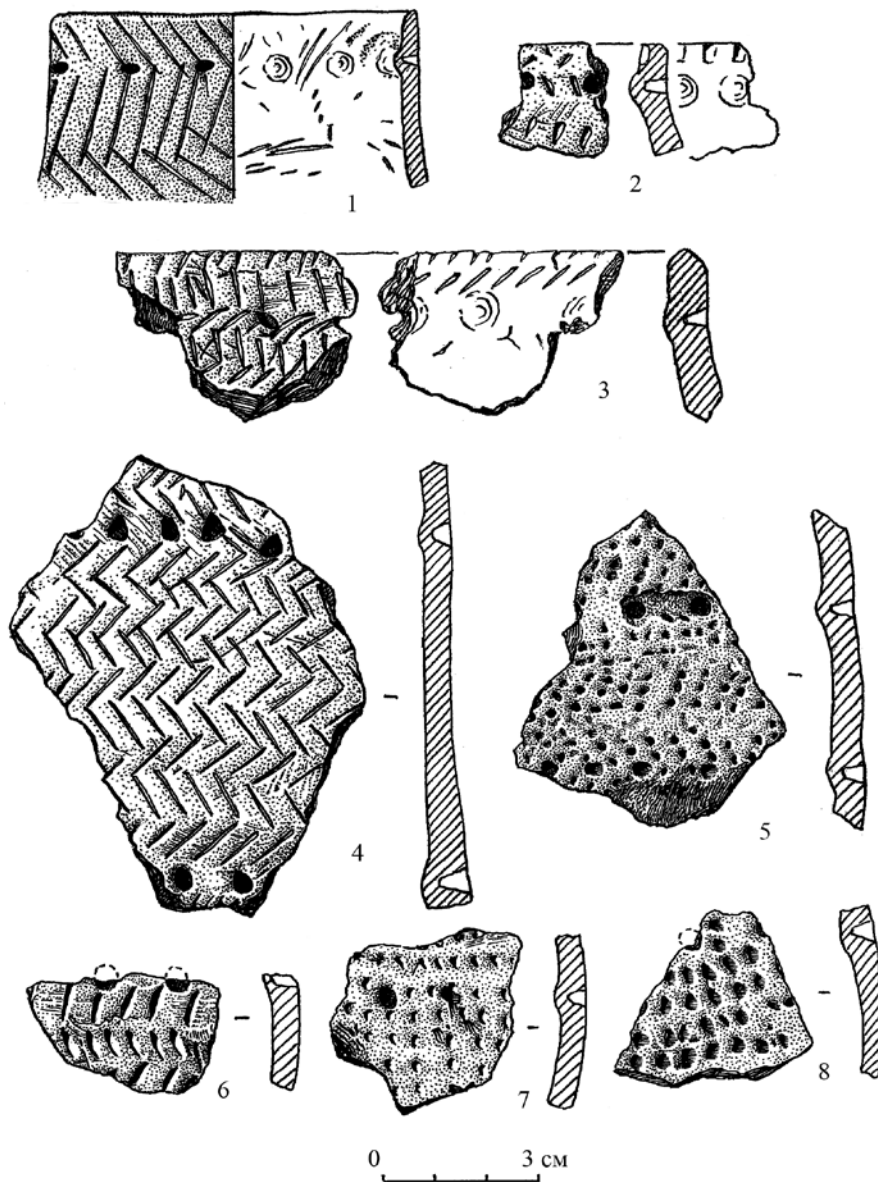

Рис. 5. Грунтовый могильник Тузовские Бугры-I: 1-2 – могила №4; 3-8 – межмогильное пространство (1-8 керамика)

и вдавлениями маленькой круглой палочки или штампа с тремя круглыми зубцами, отпечатки которого составляют ряды «елочки» (рис. 5.-5). Также к этой эпохе могут относиться фрагменты керамики, декорированные рядами ямок и рядами вдавлений каплевидной формы, вероятно, выполненных уголком округлой палочки (рис. 5.-7, 8). Аналогии данной керамике просматриваются в материалах памятников ранней бронзы Барнаульско-Бийского Приобья на поселениях, содержащих крохалевскую керамику и посуду третьей группы елунинской культуры [Кирюшин, 2002, с. 51, 91–92, рис. 105, 162–163].

К энеолиту относятся фрагменты от двух сосудов, обнаруженные в могиле №7, которая зафиксирована в юго-восточной части раскопа. Заполнение ни планиграфически, ни стратиграфически по своему составу не отличалось от состава культурного слоя и представляло собой светло-серую супесь. Примерные размеры могилы – 2,15 x 1,4 м (длинная ось ЮЗ–СВ). Могила №7 была нарушена могилами №5 (восточный угол), №29 (южный угол) и, может быть, могилой №11 (западный угол). В 0,35 м к северу от могилы №7 на глубине 0,3 м найдены челюсти собаки. В заполнении могилы, на глубине 0,5–0,6 м, в центральной и северо-западной ее частях обнаружены лежавшие в беспорядке кости рук, две бедренные, ребра и позвонки. Среди костей находились каменный пест и обломок костяного гарпуна, а также фрагменты керамики раннего облика (рис. 6.-1–3) и отщепы. На дне могилы, на глубине 0,65 м от современной поверхности, у юго-западной стенки лежали сохранившиеся в анатомическом порядке кости ног взрослого человека. Судя по ним, погребенный был уложен в могилу на спину вытянуто, головой на северо-восток. К юго-востоку от них найдены бедренные кости второго человека: левая – у юго-восточной стенки, правая сдвинута в южный угол. Севернее них, у средней части юго-восточной стенки, обнаружены лежавшие в анатомическом порядке лучевые кости левой руки. Остатки второго погребенного лежали, видимо, так же, как и первого: на спине вытянуто, головой на северо-восток. Есть все основания полагать, что мы имеем дело со вторичным погребением.

22 фрагмента тонкостенного сосуда (толщина стенок – от 0,25 см в районе венчика до 0,5 см в придонной части) из заполнения могилы №7 позволяют реконструировать верхнюю часть сосуда с диаметром венчика 12 см, тулова – 13 см. Сохранившаяся часть составляет в высоту 11 см, но, судя по всему, его изначальная высота – около 13–13,5 см (рис. 6.-1). Этот сосуд – открытой формы, высота которого примерно равна ширине или чуть больше, со слегка отогнутым наружу венчиком, у которого максимальное расширение приходится на нижнюю треть. Форма дна предположительно остродонная или приостренная. Вся поверхность сосуда орнаментирована отпечатками короткого гребенчатого штампа, образующими ряды шагающей гребенки. Внутренняя поверхность венчика украшена отпечатками короткого гребенчатого штампа. Подобная керамика характерна для поселенческих комплексов большемысской энеолитической культуры Барнаульско-Бийского Приобья [Кирюшин, 2002, с. 16–18, рис. 2–11] и Средней Катуня [Кирюшин, 2002, с. 31, рис. 60; Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., 2008, с. 56–63, рис. 82–100].

Остальные фрагменты керамики толщиной 0,5–0,65 см, принадлежавшие, скорее всего, одному сосуду, декорированы в совершенно иной манере (рис. 6.-2–3). Керамика орнаментирована рядами ямок и отпечатками отступающей палочки с элементами накальвания, образующими ряды горизонтальных волнистых линий и ряды прямых

наклонных линий. К энеолиту, по-видимому, относятся фрагменты керамики, орнаментированные в отступающе-накольчато-ямочном стиле, обнаруженные в межмогильном пространстве в северо-восточной и центральной частях раскопа (рис. 6.-4-6).

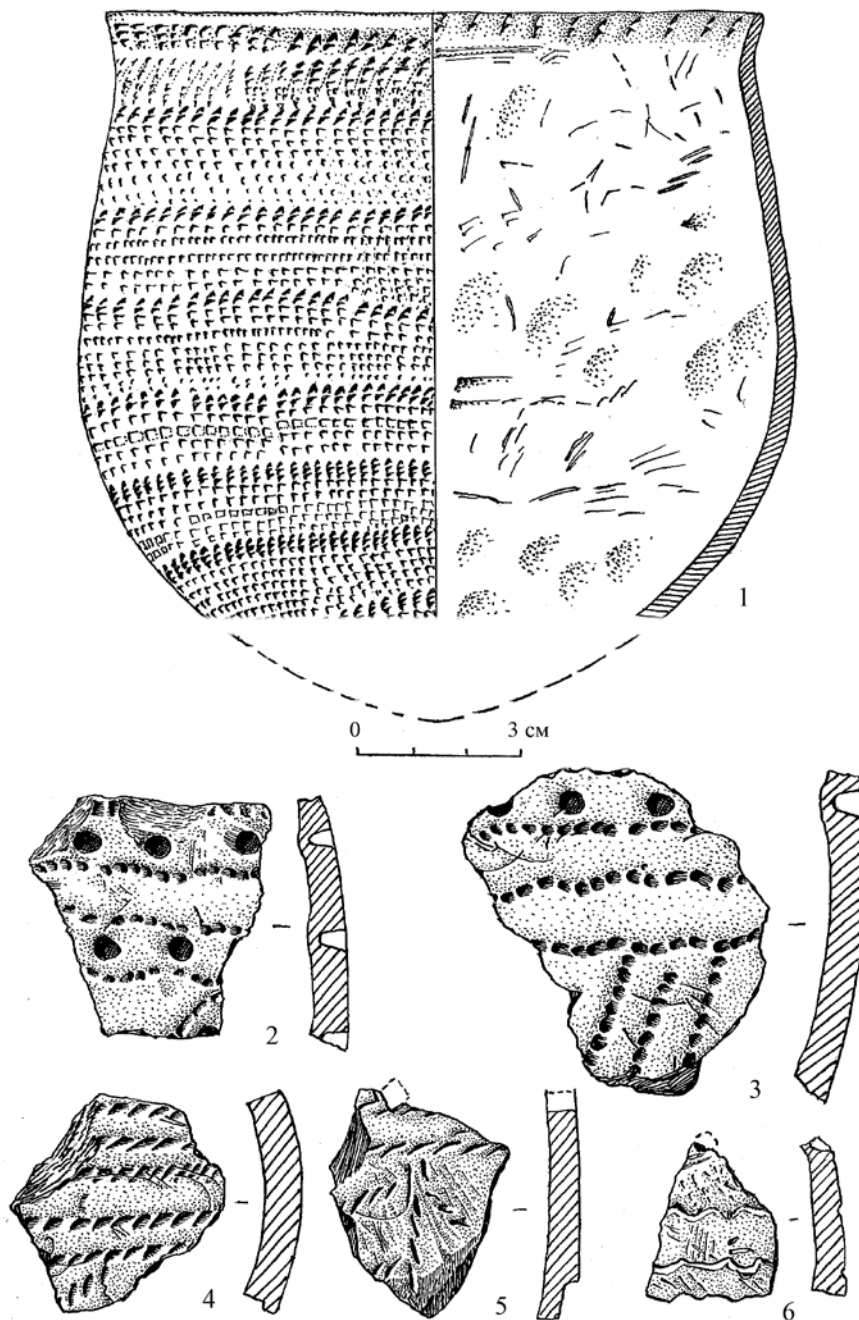

Рис. 6. Грунтовый могильник Тузовские Бугры-I:
1-3 – могила №7; 4-6 – межмогильное пространство (1-6 керамика)

Посуда, орнаментированная отпечатками отступающей палочки с элементами накалывания и рядами ямок, находит аналогии в материалах поселений энеолита Барнаульско-Бийского Приобья – это так называемый кипринский тип керамики [Кирюшин, 2002, с. 39, рис. 63; Молодин, 1977, с. 19–20, табл. XI–XIII]. У керамики кипринского типа прослеживается широкий круг аналогий в материалах поселений неолита-энеолита, обнаруженных на территории юго-западных районов Алтайского края [Кирюшин, Клюкин, 1985] и Барабы [Молодин, 1985]. В 2 км к северу от грунтового могильника Тузовские Бугры-I находится поселение Бойниха-1. Это территориально наиболее близкий памятник, на котором найдена керамика кипринского типа [Кирюшин и др., 2014, с. 114–118; Кирюшин и др., 2015, с. 114–115, рис. 9.-9–10]. Для поселений Северной Кулунды Новоильинка-III и Новоильинка-VI, на которых обнаружена керамика кипринского типа, получены радиоуглеродные даты, которые укладываются в рамки середины III тыс. до н.э. (некалиброванные даты). Калибровка этих дат почти на тысячу лет удревняет время формирования их культурного слоя. Максимальный разброс по сигме 2 (95,4% probability) составил интервал от 3700–2850 до 3500–2400 BC [Кирюшин, 2013, 2015].

Наиболее сложна для датировки оставшаяся керамика (рис. 7). В юго-западной части раскопа обнаружено восемь фрагментов небольшого сосуда (диаметр венчика – 8 см) (рис. 7.-1). Имеющиеся фрагменты позволяют реконструировать верхнюю часть закрытого сосуда с волнистым отогнутым наружу венчиком. По венчику проходит ряд ямок. Тулово сосуда орнаментировано вертикальными и диагональными полосами из отпечатков веревочки. Можно предположить, что орнамент выполнялся составным орудием с эластичным рабочим краем и твердой основой (веревочка, намотанная на палочку) путем прокатывания по поверхности сосуда (рис. 7.-1). В сломках стенок сосу-

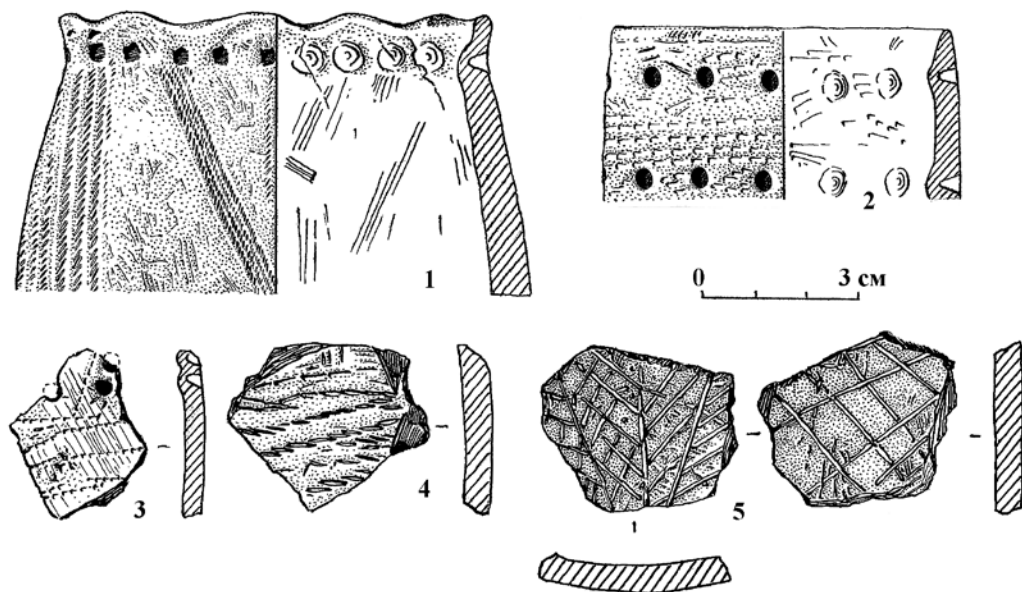

Рис. 7. Грунтовой могильник Тузовские Бугры-I:
1–5 – межмогильное пространство (1–5 керамика)

да заметны следы органики, предположительно травы. Скорее всего, в подобной технике было орнаментировано еще несколько сосудов, фрагменты которых обнаружены к юго-востоку от могилы №19 (рис. 7.-4).

Рядами ямок и отпечатками гребенчатого штампа орнаментированы венчик небольшого сосуда (диаметр венчика – 6,5 см) (рис. 7.-2) и фрагмент стенки тонкостенного сосуда (толщина стенок – 0,35 см) (рис. 7.-3). Один фрагмент орнаментирован с двух сторон (рис. 7.-5). На внешней поверхности сосуда прочерченные линии образуют заштрихованные сектора, сужающиеся к придонной части. На обратной стороне прочерченные линии образуют сеточку. В сломках трех последних сосудов невооруженным глазом заметны каналцы от выгоревших волос животных.

Датировать эту керамику чрезвычайно сложно, во многом из-за фрагментарности материала. Это единичные фрагменты, которым сложно найти аналогии в кругу памятников неолита и энеолита Алтая и сопредельных территорий. Как нам кажется, в неолитических памятниках мы находим некоторые аналогии. Так, следы от волоса животных фиксируются в керамике поселения Тыткескень-II в Горном Алтае от раннего до финального неолита [Кирюшин и др., 2012]. Веревоочный орнамент широко встречается на территории Западной [Абдулганеев и др., 2011, с. 27–28; Глушков, Глушкова, 1992, с. 119–121; Дубовцева, 2011, с. 24–25] и Восточной Сибири в материалах памятников от неолита до ранней бронзы [Berdnikov, Ulanov, 2015, с. 574–576]. Территориально наиболее близким памятником, на котором обнаружена керамика, орнаментированная составными орудиями с эластичным рабочим краем и твердой основой (веревоочка, намотанная на палочку), является поселение Бойниха-1 (1,5 км к северу от могильника ТБ-I). К сожалению, материалы получены с разрушенной части памятника и их датировка вызывает вопросы [Кирюшин и др., 2015, с. 110–114], но, скорее всего, подобная посуда может датироваться неолитическим временем.

Нельзя исключить возможность, что в результате дальнейших исследований могильника ТБ-I будут выявлены погребения неолита или в результате радиоуглеродного датирования некоторые уже изученные будут отнесены к этому периоду.

Как уже отмечалось [Абдулганеев и др., 2000, с. 209], комплекс ранних погребений ТБ-I имеет несомненное сходство с другими могильниками Барнаульско-Бийского Приобья и северных предгорий Алтая, но по целому ряду признаков значительно отличается от них:

- в топографии (останец, периодически превращающийся в остров);
- составе погребального инвентаря в могилах (не найдено ни одного костяного вкладышевого кинжала, шлифованного ножа, крупного тесла или топора);
- большом количестве вторичных погребений;
- большом количестве находок из межмогильного пространства (возможно предварительное закапывание предметов в землю как подношение богам – духам подземного мира).

Мы уже отмечали, что, по нашему мнению, в составе погребального инвентаря ранних погребений грунтового могильника ТБ-I выделяются два культурных компонента, условно названных «восточным» и «западным» [Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 2014, с. 447]. Эти выводы сделаны на основе анализа украшений из раковин

моллюсков [Кирюшин и др., 2011] и зубов животных [Кирюшин и др., 2012]. Анализ керамики с территории памятника наводит на аналогичные выводы. Позволим внести некоторые уточнения.

«Восточный» компонент связан с большемысской культурой и, возможно, с участием неолитического компонента. «Западный» компонент связан с комплексами, на которых представлена гребенчато-ямочная и отступающе-накольчато-ямочная керамика. Это комплексы кипринского типа (Киприно-1, Новоильинка-III, Новоильинка-VI) в Барнаульско-Бийском Приобье и в Северной Кулунде, байрыкского типа или «гребенчато-ямочная общность эпохи раннего металла» (поселение Венгерово-3) в Барабе [Молодин, 1977], к этому же кругу относятся екатерининская культура, карсевская и т.д. Погребения могильника ТБ-I, в которых обнаружены раковины *Dentalium* и *Corbicula* [Кирюшин и др., 2011], являются частью большой культурной общности, оставившей комплекс погребений эпохи раннего металла (гребенчато-ямочная общность) могильника Сопка-2 на реке Оми [Молодин, 2001].

Мы считаем, что на данном памятнике на одном сакральном пространстве локализованы различные по культурной принадлежности погребения. Это связано с тем, что территория Верхнего Приобья входит в зону контактов различных культурных образований эпохи энеолита.

Если до появления результатов радиоуглеродного датирования дискуссия о культурной принадлежности ранних могильников Барнаульско-Бийского Приобья строилась по антитезе либо «алтайско-кузнецкая неолитическая культура», либо «большемысская энеолитическая», то в настоящее время очевидно, что проблему, являющуюся содержанием споров, следует разбить, как минимум, на три составляющих. Прежде всего, это определение хронологии отдельных погребений по результатам радиоуглеродного датирования. Далее – выделение хронологических групп на территории могильного пространства. И только после этого – решение вопросов об их культурной принадлежности. Причем стоит отметить, что согласно материалам исследований последних лет в энеолите территория Барнаульско-Бийского Приобья являлась контактной зоной, как минимум, двух археологических культур – большемысской и кипринской. Не исключено, что в результате контактов происходило взаимопроникновение элементов материальной и духовной культуры. Также нельзя исключить, что это происходило в результате брачных контактов. Как отмечают исследователи, на определенном отрезке времени контактный район сам «мог превращаться в очаг культурогенеза, так как формирование новых археологических культур во многом являлось результатом взаимодействия нескольких культурных традиций» [Шорин, 1999, с. 7].

К сожалению, неолит до сих пор остается одним из наименее исследованных периодов древнейшей истории Барнаульско-Бийского Приобья. Отдельные разрозненные материалы [Абдулганеев и др., 2011] и сборы с разрушенных памятников [Кирюшин и др., 2015, с. 110–114] не дают представление об этнокультурных процессах, происходивших на этой территории в финальный период каменного века, но даже эти находки наводят на предположения, что керамика оставлена группами населения с различными культурными традициями. Нет никаких сомнений, что необходимо более активно проводить работы по выявлению и изучению памятников неолита Барнаульско-Бийского Приобья.

Библиографический список

- Абдулганеев М.Т., Кунгурова Н.Ю., Кирюшин Ю.Ф. Многослойное поселение Комарово-1 в ретроспективе истории заселения оз. Иткуль. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2011. 142 с.
- Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф. Погребение бронзового века из могильника Тузовские Бугры-1 // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2002. С. 4–7.
- Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Пугачев Д.А., Шмидт А.В. Предварительные итоги исследований могильника Тузовские Бугры I // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. VI. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. С. 206–210.
- Бобров В.В. Общая характеристика раннего комплекса поселения Танай 4а // Проблемы неолита – энеолита юга Западной Сибири. Кемерово : Кузбассвузиздат, 1999. С. 36–58.
- Глушков И.Г., Глушкова Т.Н. Текстильная керамика как исторический источник (по материалам бронзового века Западной Сибири). Тобольск : ТГПИ, 1992. 130 с. : 52 ил.
- Гурина Н.Н. Оленостровской могильник // МИА. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1956. №47. 430 с.
- Дубовцева Е.Н. Использование веревки для орнаментации неолитической керамики севера Западной Сибири // Российская археология. 2011. №2. С. 16–26.
- Зах В.А. Эпоха неолита и раннего металла лесостепного Присалаирья и Приобья. Тюмень : Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. 168 с.
- Кирюшин К.Ю. Морфолого-орнаментальные группы керамики с поселения эпохи энеолита Новоильинка-III в Северной Кулунде // Археология, этнография и антропология Евразии. 2015. №1 (61). С. 25–36.
- Кирюшин К.Ю. Поселение Новоильинка-VI – новый памятник энеолита Кулунды // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XIX. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2013. С. 202–206.
- Кирюшин К.Ю., Волков П.В., Пугачев Д.А., Семибратов В.П. Грунтовый могильник Новоалтайск-Развилка – памятник энеолита Барнаульского Приобья // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XV. Барнаул : Азбука, 2006. С. 222–228.
- Кирюшин К.Ю., Грушин С.П., Ситников С.М. Обследование поселения Бойниха-1 в 2014 г. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXI. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. С. 109–116.
- Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф. Культурно-хронологические комплексы поселения Тыткескень-2 (итоги работ 1988–1994 гг.). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2008. 336 с.
- Кирюшин К.Ю., Кирюшин Ю.Ф., Глушков И.Г. Использование волоса животных в гончарной традиции неолитических комплексов поселения Тыткескень-2 // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. №4 (52). С. 41–50.
- Кирюшин К.Ю., Фролов Я.В. Материалы I тыс. до н.э. могильника Тузовские Бугры-I (по результатам исследований 2014 г.) // Междисциплинарное изучение археологии Западной Сибири и Алтая. Барнаул : Азбука, 2014. С. 107–108.
- Кирюшин К.Ю., Фролов Я.В., Редников А.А. Бойниха-1 – памятник неолита и раннего железного века Барнаульского Приобья // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XX. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2014. С. 112–119.
- Кирюшин Ю.Ф., Клюкин Г.А. Памятники неолита и бронзы Юго-Западного Алтая // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1985. С. 73–117.
- Кирюшин Ю.Ф., Волков П.В., Кирюшин К.Ю., Семибратов В.П. К вопросу о критериях разделения памятников неолита и энеолита Алтая // Теория и практика археологических исследований. Вып. 2. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 15–24.
- Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю. К вопросу о культурной принадлежности ранних погребений могильника Тузовские Бугры-I // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань : Отечество, 2014. Т. I. С. 443–448.
- Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Шмидт А.В., Абдулганеев М.Т. Зубы животных в погребениях могильника Тузовские Бугры-1 как индикатор этнокультурных процессов на территории Алтая в III тыс. до н.э. // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. №3. С. 59–66.

Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Шмидт А.В., Кузменкин Д.В., Абдулганеев М.Т. Раковины моллюсков в погребениях могильника Тузовские Бугры-1 как индикатор этнокультурных процессов на территории Южной Сибири и Средней Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. №2. С. 37–45.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф. Археология Нижнетыгтескенской пещеры-1. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1995. 150 с.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю., Кадиков Б.Х. Древнейшие могильники северных предгорий Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2000. 116 с.

Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б., Шмидт А.В. Древнейшее погребение могильника Фирсово-XIV // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013. С. 137–140.

Кунгурова Н.Ю. Могильник Солонцы-5: Культура погребенных неолита Алтая. Барнаул : Изд-во Барнаул. юр. ин-та МВД, 2005. 128 с.

Маркин С.В. Неолитическое погребение Северо-Западного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. №2. С. 53–64.

Марочкин А.Г. К вопросу о «погребальном компоненте» большемысской энеолитической культуры // Вестник НГУ. Серия : История, филология. 2009. Т. 8, вып. 3: Археология и этнография. С. 121–129.

Марочкин А.Г. Погребальная практика населения Верхнего Приобья в периоды неолита и энеолита (история изучения, структурный анализ и типология, проблемы культурно-хронологической интерпретации) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2014. 33 с.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск : Наука, 1985. 200 с.

Молодин В.И. Неолитическое погребение на озере Иткуль и некоторые соображения по поводу погребальных комплексов данной эпохи в предгорьях и горах Алтая // Проблемы неолита – энеолита юга Западной Сибири. Кемерово : Кузбассвузиздат, 1999. С. 36–58.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми (культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2001. Т. 1. 128 с.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. Новосибирск : Наука, 1977. 174 с.

Молодин В.И., Дураков И.А. Погребения ранней-развитой бронзы могильника Ордынское-1 (новая версия историко-культурной интерпретации) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. №4 (56). С. 58–64.

Молодин В.И., Конева Л.А., Чемякина М.А., Степаненко Д.В., Позднякова О.А. Ихтиологические материалы из ритуальных комплексов одиновской культуры памятника Преображенка-6 // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. №2 (50). С. 25–36.

Окладников А.П. Неолитические памятники Ангары (от Щукино до Бурети). Новосибирск : Наука, 1974. 320 с.

Пугачев Д.А. Новые археологические памятники у бывшего села Мезенцево // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. VIII. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1997. С. 79–82.

Усачева И.В. «Утюжки»: реконструкция функции // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. №4 (56). С. 84–101.

Шмидт А.В. Разведочные работы в районе протоки Заломная // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. X. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 127–131.

Шмидт А.В., Служак И.В. Новый грунтовый могильник раннего железного века в Барнаульском Приобье // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. X. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 110–113.

Шорин А.Ф. Энеолит Урала и сопредельных территорий: проблемы культурогенеза. Екатеринбург : УрО РАН, 1999. 182 с.

Berdnikov I.M., Ulanov I.V. Some aspects of molding technology posolskaya pottery on south Central Siberia // Журнал Сибирского федерального университета. Серия : Гуманитарные науки. 2015. Т. 8, №4. С. 574–584.

Архивные материалы

Абдулганеев М.Т. Отчет о раскопках могильника Тузовские Бугры-1 в Первомайском районе Алтайского края в сентябре 2000 г. Барнаул, 2001. Архив Музея археологии и этнографии АлтГУ. №167.

Пугачев Д.А. Отчет об археологических разведках в Калманском районе (по правому берегу р. Обь) и Алтайском районе Алтайского края. Барнаул, 1996. Архив ИА РАН.

Yu.F. Kiryushin, K.Yu. Kiryushin

PROBLEMS OF CULTURAL BELONGING OF THE EARLY BURIALS OF THE TUZOVSKY MOUNDS-I SOIL BURIAL GROUND (One of the Versions of Historical and Cultural Interpretation)

Questions of chronology, periodization and cultural belonging of the early burial grounds of the Barnaul and Biysk Ob Region and the northern foothills of Altai have become the subject of a long discussion since the second half of the 80-s of the XX century. The main disputes are caused by the referring the monuments in general and of separate burials either to the Neolithic, to the Eneolithic, to the Kuznetsk-Altai culture or the Bolshemysk culture.

The present work is the authors' version of historical and cultural interpretation of some aspects of topography of the Tuzovsky Mounds-I soil burial ground, and also some archeological finds from the territory of the monument. The analysis of the subject complex, the finds from the inter-tomb space, planigraphy and stratigraphy of the Tuzovsky Mounds-I soil burial ground allows drawing a conclusion that various in time and cultural belonging burials are localized on one sacral space. It is related to the fact that the territory of the Upper Ob Region was included into the zone of contacts of various cultural formations in the Neolithic and the Eneolithic Ages.

Key words: Eneolithic Age, soil burial ground, planigraphy, inter-tomb space, cultural belonging.